

пись к гостям, приветливо, радушно: — Да вы кушайте, кушайте, не обращайтесь внимания...

Федор Иванович с аппетитом разделался с прожаренной на дымном костре ножкой индюка, а потом, уже не спеша, наслаждаясь, принялся за жареные грибы. Давно не едал он ничего столь же вкусно! Ну, еще и то сказать: часто ли приходилось ему есть обед с такой вкуснейшей приправой, как чистый лесной воздух?!

Под конец, прихлебывая и смакуя душистый, заваренный разными травами чай, он блаженно улыбался и мысленно повторял про себя: этот первый раз не будет последним. Он обязательно придет сюда, на здешние пруды и озера, под своды этих могучих сосен, к этим милым, радужным людям, придет еще и еще!..

Где-то на полпути к дому их догнал дождь. Разом, вдруг зашумела листва, и нарастающий с каждой новой секундой ливень обрушился на деревья, на парусинный верх «газика», встал стеклянной стеной впереди машины. Ливень был столь обильным, что вскоре же по земле заручились мутные потоки. Хорошо, что они к тому времени уже успели выехать на главную насыпную дорогу, и можно было не бояться застрять в какой-нибудь колдобине.

Говорили мало, каждый думая о своем.

Федор Иванович думал, что после нынешней поездке забот у него прибавится. Лесникам на кордоны надо проводить электричество. Да, это недешево, расстояния большие, не раз в Чебоксарах об этом придется разговаривать. Но делать надо. Надо, чтобы и у лесников были телевизоры, и холодильники, чтобы они жили, как и все люди живут... И насчет пасаек надо подумать. Нельзя ехать на одном энтузиазме Максимов-Алексеевичей, энтузиазму нужна деловая поддержка. А то мед все любят, считают его вроде бы даровым продуктом, однако же возиться с пчелами никто не хочет. Нелепость какая-то!.. А грибы? Вот уж истинно даровой продукт, бесплатный дар леса! И какой вкусный и питательный продукт! А взять не можем... Завтра же надо собрать в райкоме заготовителей. И заводы пусть в выходные дни вывозят рабочих по грибы. Разве плохо, если в каждом доме будет вдоволь их — сушеных, соленых или маринованных?!

Четыре года живет Федор Иванович в этом районе. И с каждым годом ближе, понятней становятся ему и поля, и селения района, и люди, живущие в этих селениях, в здешнем городке. По утрам, пока еще нет посетителей, любит Федор Иванович мысленно оглядеть из райкомовского кабинета свой район. И замечает, что взгляд его с каждым новым годом становится вроде бы пошире и проникает все глубже и глубже.

В глубину лесных проблем он за нынешний день, понятное дело, еще как следует не проник: все тут не так просто. Но, возвращаясь вот сейчас из поездки, он знал, что после нынешнего дня его секретарский взгляд на район стал еще шире. А что забот и хлопот прибавилось — что ж, такая уж у него работа. Волков бояться — в лес не ходить...

Только уже перед самым городком Федор Иванович очутился от своих мыслей и заметил, что дождя здесь нет. Вроде бы все время шел за ними вдолгую, а тут отстал.

«Ну, дорогу-то мы ему показали. Может, к ночи соберется... Надо, надо полям дождя!»

С чувашского.
Перевод
Семена ШУРТАКОВА

БЕСКОНЕЧНЫЕ таежные просторы. Насколько хватает глаз — тайга и тайга. Могучая, неприступная, крепко хранящая свои тайны. Ее неизбежность как бы подчеркивает неизбежность той жизни, которой живут люди на этой земле, — живут, следуя законам природы и таежного быта.

Двое охотников — дед Фишка и Матвей — так и поступают в соответствии с этими неписаными законами, когда слышат одинокий выстрел, по-видимому, заблудшего человека, — они отправляются на поиски.

Это начало романа Г. Маркова «Строговы» и начало большого восьмисерийного фильма (авторы сценария Г. Марков, Э. Шим и В. Венгеров, режиссер В. Венгеров), снятого по роману. Так будет и дальше: фильм идет за романом, стремясь в той же последовательности, что и в романе, воспроизвести не только главные, «узловые» события литературного первоисточника, но и не упустить из поля зрения и «сюжетные отвлечения», связанные с судьбами второстепенных персонажей. Таков творческий принцип, положенный в основу многосерийного фильма «Строговы», — максимальное приближение к роману. Замечу сразу, что он себя оправдал: именно это обстоятельство принесло успех фильму в первую очередь. Конечно, какие-то эпизоды романа обойдены сценарием, и некоторые сюжетные линии как бы «спрямлены», в то время как другие (например, линия Анна Строгова — Демьян Штычков) проявлены почти с той же полнотой, что и в романе, но все это, вероятно, неизбежно и даже необходимо при переводе литературного произведения на язык кинематографа.

Однако, повторяю, отступления эти невелики и почти незаметны, ибо, на мой взгляд, решена самая главная задача — фильм передает дух романа, его пафос.

Здесь я позволю себе снова вернуться к началу фильма. Разорвавший таежное безмолвие выстрел звучит как первое предупреждение о надвигающихся драматических событиях. Этим выстрелом убивает себя отчаявшийся выбраться обесслепленный человек, у которого дед Фишка и Матвей находят крупинцы золота.

Человек, искавший золото, погиб. Золото убило его. И теперь оно должно убивать всех, кто прикоснется к нему, — такова художественная традиция, которую обильно питала сама жизнь. Но автор «Строговых» избирает свой путь. Золото не имеет власти над его героями. Для них существуют иные ценности. И режиссер фильма В. Венгеров не жалеет драгоценных минут, чтобы показать, как поступают дед Фишка и Матвей. Их главная забота — похоронить человека по обычаю: «Золота тоже не взяли. Возьмем, а потом за пустяки в тюрьме сгноят».

Сцена эта важна не только потому, что здесь завязывается одна из центральных сюжетных линий романа, охватывающая множество событий, которые сыграют большую роль в судьбах главных героев. Ведь в их различном отношении к богатству, к самой идее накопительства — и зерно будущего социально-психологического конфликта, и различие характеров. Дед Фишка и Матвей, которым в будущем история уготовила революционный путь, предстают в этой сцене как психологически достоверно очерченные характеры охотников и земледельцев.

Они выражают те представления о хорошем и дур-

ном, о человечности и бесчеловечности, какие сложились в трудовой народной среде сибирских крестьян.

Забегая несколько вперед, замечу, что, несомненно, артист Б. Борисов стремился раскрыть в характере Матвея Строгова черты этой народной нравственности. А фильм, вслед за романом, дает для этого богатый материал: мы видим Матвея во встречах и расставаниях с Анной, любовь к которой выдержала все испытания; на бурном крестьянском сходе; в прямом и суровом разговоре с богатым Юркиным, отцом Анны и беспощадным эксплуататором; в борьбе за кедровник; помогающим бежать из тюрьмы большевику Беляеву; в бою; в горе, беде, в радости... В памяти остается этот образ мужественного, душевно щедрого и внешне сдержанного человека, его неторопливость, как бы углубленный в себя взгляд, когда он задумывается. Но при этом, как я думаю, происходит невольное, свое «собственное» обогащение образа за счет читательского впечатления от романа, где характер Матвея Строгова вылеплен пластично, сильно и показан в движении.

ве, к обогащению идут рука об руку с преступлением, жестокостью. Конфликт социальный становится и нравственным, психологическим.

Дед Фишка (Г. Новиков) проявляет в этой сцене не только мужество и находчивость, чуть ли не на глазах у дюжины работников орудия усмирля Зимова, — он удерживает вместе с тем и моральную победу. Обличая его преступление, дед Фишка выступает и как нравственный судья. И не раз еще мы увидим, как в самых опасных ситуациях дед Фишка оказывается победителем — и когда мужики Волчих Нор, сплотившиеся вокруг Матвея, посылают его в соседнее село, чтобы в борьбе за кедровник привлечь тамошних крестьян на свою сторону, и когда по заданию партизанского командования он идет в разведку в самое пекло белогвардейцев и там встречает своего смертельного врага Зимова... Но не пропадает дед Фишка. Расстреляли его белые, да не расстреляли. Убили, да не убили. Воскрес из мертвых Финноген Данилович. И так всегда, на всех поворотах и перевалах его бурной жизни: в огне не сгорит и в воде не утонет. Есть в этой черте что-то от сказовости, былинности, от народного представления, что бессмертно добро, неиссякаемы силы, питающие и творящие жизнь.

Артист Г. Новиков находит живые краски для характеристики своего героя, а кинокамера пристально следит за дедом Фишкой, стараясь не упу-

ветер времени, ветер близящихся перемен придает особую остроту.

С каждой новой серией история все ощутимей входит в фильм, все ближе, конкретнее касается судеб его героев. Идут проводы рекрутов, отправляющихся на войну с Японией, погибав в Маньчжурии. В далеком сибирском городе казаки разгоняют рабочих, обостряется социальная рознь, доходящая до прямых столкновений в сибирской деревне, — так отдаются волны революции 1905 года. А события стремительно нарастают, все глубже они захватывают в свою орбиту всю Россию, ее самые отдаленные уголки. Первая мировая война. Февральская революция. Большевики поднимают знамя социалистической революции. Октябрь 1917 года. Гражданская война...

История трех поколений Строговых становится историей развития революционного самосознания русского крестьянства, летописью революционной борьбы народа.

Фильм точно фиксирует «узловые», «этапные» сцены, в которых проявляется движение истории. Режиссер не боится, что не успеет, не оглядывается на время — кинокамера подолгу всматривается в лица крестьян на сходе, в солдат, уходящих на фронт, в лица партизан, когда они готовятся к предстоящему бою; неторопливо, словно стараясь осмыслить значение происходящего, показывает она съезд сибирских партизан после победы Советской власти, на котором идет речь о том, как строить новую жизнь и кого послать в Москву, к Ленину за советом...

Вообще, стремление режиссера развить киноповествование с подробностями быта, взаимоотношений людей придает особую достоверность всему происходящему на экране.

Внимание к подробностям повседневной жизни дало возможность проследить движение характера Анны, «диалектику ее души», проследить, как зреет в ней, дочери богача Евдокима Юткина, под влиянием разворачивающихся событий «новые семена». История ее социального прозрения тесно связана со сложными личными взаимоотношениями — с одной стороны, с Матвеем Строговым, которого она и любит, и поначалу осуждает за его «бесхозяйственность», излишнюю отзывчивость к чужим несчастьям, а с другой — с Демьяном Штычковым, образцовым «хозяином», готовым ради Анны, ради своей любви к ней на все...

Когда Демьян Штычков предстает перед Анной в своем подлинном свете, когда Анна осознает его бесчеловечность и понимает, что она прямо протекла из тех чешуек, которые он поставил себе в жизни, и что эта бесчеловечность присуща и ее отцу, и другим, подобным им, — тогда для нее наступает момент социального прозрения. Безоговорочно, со всей страстью, присущей ее характеру, она становится на сторону революции. Она принимает революцию, потому что убеждается, что революция нравственна...

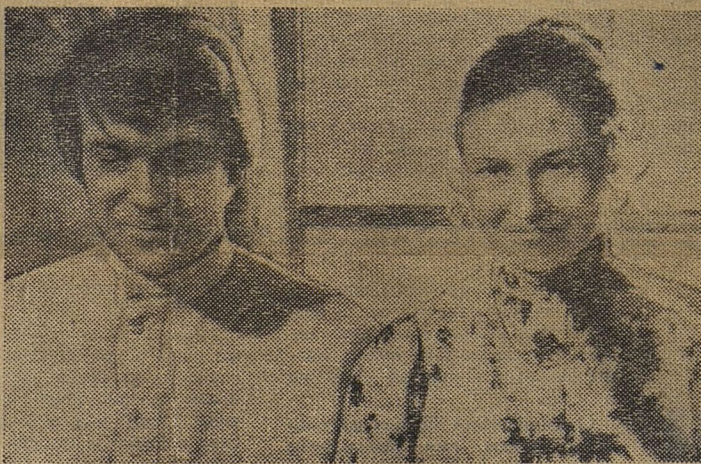
В романе образ Анны — один из самых богатых, сложных и психологически тонко разработанных. И надо сказать, что таким он стал и в фильме. Сначала, в первых сериях, мне показалось, что Л. Зайцева стремится выразить лишь волевое начало в характере своей героини, но постепенно артистка раскрывает и ее страстность, и ранимость, и нежность; за внешне сдержанной манерой поведения Анны — Зайцевой угадывается сложность ее внутреннего мира. Л. Зайцева убеждает, что Анна должна быть именно такой.

Ярко, выразительно, правдиво ведет свою роль В. Павлов. Его Демьян Штычков принимает сразу, и с каждым новым его поступком все полнее открываются темные глубины его натуры, в каждой новой ситуации все обнаженней проявляются его жестокость, беспощадность и данная ему на всю жизнь сильная и тяжелая любовь к Анне...

Закончено восьмисерийное телефовествование, приближающее снова к многим и многим людям произведение, которое давно уже живет в сознании читателей и продолжает волновать своей правдивостью и человечностью — всем сложным миром живых образов, борьбы, любви и ненависти, терпимости и повседневною, миром, в котором утверждаются красота человека и его право на счастье.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ

«СТРОГОВЫ» НА ЭКРАНЕ

Кадр из телефильма «Строговы». Матвей — Б. БОРИСОВ, Анна — Л. ЗАЙЦЕВА.

в накоплении душевного опыта, в обретении. Когда же смотришь на экран, порой не чувствуешь той внутренней силы, которая выдвинула Матвея Строгова в передовые ряды борцов.

Неприятие жестокости, преступления, унижения и несчастья людей, с чем неизбежно связано обогащение, — лишь исходная точка, первый шаг на том большом и сложном пути, который приведет любимых героев Г. Маркова и к революции, и к пониманию богатства в широком смысле как народного достоинства.

В фильме без видимых потерь прослежена эта все усложняющаяся линия, которая композиционно и сюжетно является одной из центральных в романе, — линия борьбы за народное добро. Она становится как бы водоразделом, разделяющим два лагеря, схватившихся в огне революции.

Мы видим, как гибнет из-за алчности следователь Прибытков, который с экспедицией отправился за золотом в тайгу. Ищет золото и деревенский богачей Зимовской — это он, польстившись на трудовые рубли Захара Строгова, убивает его. Сталкиваются, сплетаются судьбы в этой борьбе, резко обнажаются характеры.

Символична сцена, психологически достоверно решенная в фильме, когда дед Фишка застает на некогда общей охотничьей зайке Зимовского, обосновавшегося там с нанятыми им работниками. Столкновение с Зимовским обретает необычайную драматическую остроту, когда дед Фишка обнаруживает вещи Захара Строгова и понимает, что убийца — Зимовской. Алчность, безудержное стремление к нажи-

стить ни одной черточки его облика — вплоть до легкой сноровистой походки таежного охотника, и ко второй половине фильма, особенно в «партизанских» сериях, фигура дед Фишки словно бы вырастает, становится значительней, масштабней, но все же какой-то широты, «просторности», неожиданности в его характере не достает. Здесь, вероятно, есть своя закономерность: чем ярче, богаче, своеобразней создан образ в слове средствами собственно литературы, тем труднее — как это ни парадоксально на первый взгляд — он поддается переводу на иной художественный язык, в данном случае на язык кинематографа. Это обстоятельство, как мне кажется, сказалось в наибольшей мере именно в создании образа дед Фишки.

И пока он борется против хищников-золотоискателей, отстаивая «для всех» таежные уголья, разгорается и борьба крестьян с местными богачами за свои права, которая как бы концентрируется во все более ожесточающихся схватках за кедровую рощу — кедровник, спокон века принадлежащий общине, «миру» и отчуждаемый в соответствии со столыпинской реформой в пользу деревенского богача Евдокима Юткина. На наших глазах уже происходят «классовые» стычки, идет бурный процесс социального расслоения деревни.

Эти массовые сцены в фильме выразительны, полны драматизма и неподдельной страсти. Они психологически точно выражают углубляющиеся социальные конфликты, которым